

Один вор искуснее другого. Адыгейская народная сказка

В одном ауле жили два вора; одного из них звали Кайтуко, а другого Шералуко. У последнего был сын восемнадцати лет по имени Кучук. Однажды Шералуко испытал неудачу: в то время, когда он выводил лошадь, его ранили; от последствий раны он и умер. По смерти отца Кучук явился к его товарищу Кайтуко и сказал:

– Отец мой был с тобой в дружбе; вы вместе воровали и по-братски делились добычей, и я хотел бы продолжать отцовское дело; только позволь мне у тебя поучиться воровскому ремеслу!

– Хорошо, я готов тебя научить уму–разуму. Приходи ко мне сегодня в гости!

Кучук пришел к нему в гости, но хозяина не было дома: он отлучился куда–то по делу. Войдя к нему, Кучук спросил у старухи матери Кайтуко:

– Дома ли мой друг?

– Кайтуко нету дома; но если он твой друг, то, пожалуйста, будь гостем!

Кучук рад случаю поболтать; он уселся на лавке и стал рассказывать старухе всякие небылицы. Старухе гость пришелся по душе, и она начала угощать его бараниной и бузой. Тем временем зоркий глаз Кучука заметил, что под потолком сакли висит вяленая баранина, на вид весьма жирная и, должно быть, весьма вкусная. Разгорелись глаза у будущего вора, и он решился украсть ее следующей ночью. Наболтавшись со старухой вдоволь, Кучук ушел. Немного спустя является Кайтуко в дурном расположении духа. Желая его развеселить, старуха сейчас же ему докладывает, что у них был в гостях Кучук.

– А бузу он пил? – спросил Кайтуко.

– Да, пил! – ответила старуха.

– А когда пил, не смотрел ли он вверх?

– Да, смотрел!

– Стало быть, он видел под потолком вяленую баранину?

– Должно быть, видел.

– Он ее непременно украдет следующей ночью!

– Да ведь он друг тебе!

– Друг–то друг, но он из таких, что последнюю рубашку снимет с тела.

Подумав немного, Кайтуко сказал своей матери:

– Знаешь что, матушка? Сними баранину, спрячь в сундучок и положи к себе на ночь под подушку; авось он не найдет!

Как сын сказал, так мать и сделала. Сын лег спать на кровати, а мать на полу и положила себе под подушку сундучок с вяленой бараниной. Ночью почти каждый час Кайтуко спрашивал мать, цел ли сундучок.

– Да, цел! – отвечала мать, и Кайтуко на некоторое время успокаивался.

Под утро Кайтуко одолела дремота, и наконец он крепко уснул. Подкрался Кучук; видя, что дверь накрепко заперта, он взобрался на крышу сакли, а оттуда через трубу пролез внутрь. Стал он ощупывать то место, где висела баранина, но, к своей досаде, ничего не нашел. Вор догадался, что опытный хозяин понял его намерения и принял меры предосторожности.

– Мяу–мяу! – раздается по сакле чуть внятное мяуканье, и слышно даже, как кошка скребет своими лапками.

– Чёрт с ней, с этой бараниной! – ворчит недовольная старуха.– Спать мне не дадут! То раньше говорили, что вор за ней полезет, а тут уж кошка подбирается.

– Мяу–мяу! – снова послышалось громкое мяуканье кошки. Старуха разворчалась, и теперь ей уж не было удержу.

– Ну, право, чего она лезет? Баранину ведь я спрятала в сундучок и положила под подушку. Жирен кусок, да не про тебя припасен!

А Кучуку только это и нужно было. Мяуканье кошки прекратилось, и раздосадованная старуха, успокоившись несколько в своей тревоге, забылась старушечьим сном. Этим моментом воспользовался Кучук, вытащил неслышно из–под подушки сундучок, пролез тихохонько в трубу и был таков...

Прошло две–три миьуты. Проснулся Кайтуко и спрашивает мать:

– Матушка, лежит ли сундучок на своем месте?

– Как? Что? Сейчас тут была кошка! – пробормотала оторопевшая старушка, заметив пропажу сундучка.

Кайтуку же не нужно было говорить это два раза: он знал, что это была за кошка! Сейчас же он вскочил с постели, надел платье своей матери и прямым путем через огород побежал в саклю Кучука, где и очутился раньше хозяина. Вслед за ним входит Кучук, а на пороге его встречает мать–старушка.

– Бедный сын! – говорит Кайтуко, подделываясь под голос матери Кучука, а она ли это была действительно, трудно было узнать в темноте ночи.– Ты целую ночь трудился. Дай что у тебя в руках, а сам ложись отдохни!

– Да, я и впрямь устал! – сказал Кучук; ему и невдомек, что это не его мать. Он отдал Кайтуко сундучок, а сам отправился в конюшню, чтобы посмотреть, цела ли его лошадь. Воспользовавшись этим, Кайтуко скрылся за саклей и тем же путем отправился домой.

Утром проснулся Кучук, а так как его обоняние все еще щекотал приятный запах вяленой баранины, то первым делом он попросил мать испечь баранину, которую он раздобыл ночью.

– Что ты плетешь? – спросила мать.– Ты мне ничего не передавал.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сейчас же смекнул Кучук, в чем дело: его перехитрил Кай–туко!

– Как? – крикнул Кучук, задетый этим за живое.– Кай–туко, чего доброго, подумает, что я ему не чета. Как бы не так! Я ему докажу, что есть на свете воры почище его.

На следующий день Кучук захватил с собой два красных чувяка своей матери и отправился к Кайтуко. Тот принял его дружелюбно, как ни в чем не бывало, не сделав ни малейшего намека на их обоюдные подвиги. Что и говорить: ни тот, ни другой не ударил лицом в грязь! Кучук предложил Кайтуко идти воровать вместе; Кайтуко согласился. Вышли они из аула и пошли по большой дороге. Везет на арбе крестьянин сено.

– Давай,– говорит Кучук,– сведем быков у хозяина!

– Разве это возможно? – говорит Кайтуко.

– Для хорошего вора все возможно. Вот тебе два чувяка: положи один вот здесь на дороге, а другой там – подальше! Крестьянин увидит сперва один чувяк, соскочит с арбы и побежит поднимать, а там еще впереди другой; тем временем мы отпряжем быков и спрячем их в ближайшем лесу.

И действительно, когда крестьянин увидел первый чувяк, он соскочил с арбы и побежал его поднимать. Подняв один, он увидел лежащий поодаль другой чувяк и побежал за ним; подняв и этот, он скинул свои старые дырявые чувяки и стал примерять новые. Долго он мучился, стараясь их надеть, но это ему никак не удавалось: женские чувяки не лезли на мужскую ногу. Крестьянин так увлекся своим делом, что о быках совершенно забыл, не предполагая, конечно, что с ними могло что–нибудь случиться. А между тем воры на свои руки охулки не положили: мигом отпрягли быков и угнали в ближайший лес. Там они живо отрубили им головы, воткнули эти головы в топкое болото так, что только торчали рога, а сами с тушами быков спрятались.

Провозившись вдоволь с чувяками и наконец бросив их, крестьянин заметил, к своему ужасу, пропажу быков. Сейчас же он бросился по свежим следам разыскивать их. Прибежал к тому болоту, где в самом топком месте торчали бычьи головы с развесистыми рогами. Ему показалось, что быки его завязли в болоте. Он решил вытащить их оттуда. Крестьянин разделся и, оставив свою одежду на берегу, полез в болото. Тем временем Кучук выскочил из засады, схватил одежду крестьянина и опять скрылся в чаще. Бедняк, вытащив из болота головы своих быков, подумал, что он как–нибудь по неосторожности оторвал их от туловища, и стал плакать. К довершению горя он, вылезая из болота, не нашел своей одежды.

Делать было нечего: бедняк отправился в чем мать родила на свет к оставленной им арбе с сеном, но не нашел ни арбы, ни сена. Тут он окончательно потерял голову:

– Ну и обчистили же меня воры: нет ни арбы, ни сена, ни быков – и рубашку даже сняли с тела!

Горемычный пшитль плетется с невеселыми думами домой; во всех же встречах он возбуждает смех, так как никто не привык видеть на дороге совсем нагого человека, с одной только хворостиной в руках. Немного спустя ему попались навстречу около двадцати верховых. Увидев его, они покатались со смеху.

– Что такое с тобой случилось, чужак? – спрашивают они его.

– Берегитесь: в этой местности появился вор, который у меня украл быков, одежду, а вдобавок и арбу с сеном; у вас он, наверное, угонит лошадей! – Всадники стали смеяться еще больше:

– Как это так? Расскажи еще раз! Ах ты, окаянный! Крестьянин не стал с ними больше разговаривать и пошел своей дорогой. Проехав несколько верст, всадники расположились близ леса на ночлег: разбили палатку, скинули с себя бурки и оружие и, стреножив лошадей, пустили их пастись под надзором двух караульных. Когда совсем стемнело, они развели огонь и стали жарить шашлык и в котле варить баранину. Сидя у огня, они вспомнили предостережение нагого пшитля и начали друг другу рассказывать о разных подвигах известных своей ловкостью воров; караульные же зорко смотрели за лошадьми. Вдруг подходит к караульным закутанный в бурку Кучук и говорит:

– Идите к костру: шашлык уже готов; покамест я покараулю лошадей!

Не подозревая ничего, караульные отправились к костру.

– На кого вы оставили лошадей? – спрашивают их товарищи.

– Как на кого! Да ведь вы позвали нас есть шашлык, прислав караульного нам на смену!

Тут только все догадались, что караулить–то остался вор, про которого их предупреждал встретившийся им крестьянин. Все бросились за лошадьми, но Кучук успел их уже припрятать в лесу, а тем временем, пока они искали, он, оставив их под надзором своего товарища Кайтуко, бросился в палатку, в которой никого не было; там он забрал все бурки, башлыки, окованное серебром оружие всадников и седла, стащил совсем уже зажаренный шашлык и варившуюся в котле баранину, бросив туда взамен свою старую изодранную бурку, и скрылся в темноте ночи.

Между тем всадники после напрасных поисков вернулись к костру, чтобы по крайней мере подкрепить свои силы шашлыком и вареной бараниной. Но каково было их изумление, когда они и здесь ничего не нашли, кроме котла, в котором варилась истрепанная бурка.

– Вот это так вор! – вырвалось у одного из пострадавших. Но что же всадникам оставалось делать, как не вернуться пешком в свой аул!